

J 40
12

1896 (7.1)

РУССКІЕ КНЯЗДЫ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ БОЛШОКНЯЖЕСКАГО ПЕРІОДА.

Н. КОНДАКОВА,

Заслуженнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Томъ первый.

Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1906

40
12

220 и табл.,

РУССКІЕ КНЯЗЫ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪНКОМНАЖЕСКАГО ПЕРІОДА.

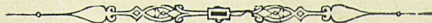
Н. КОНДАКОВА,

Заслуженнаго Профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Томъ первый.

Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1896.

На ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

Издание ИМПЕРАТОРСКОЙ
Археологической Коммисіи.

Незабвенной памяти
Государя Императора
Александра III,

Державного Покровителя
русского искусства и науки родной старины.

Рис. 1. Миниатюра из рукописи Иоанна Куропалата в Национальной библиотекѣ Мадрида. Приемъ Ольги во дворецѣ византийскаго императора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметныеклады русскихъ древностей домонгольскаго періода и ихъ значеніе для русской археологіи. Необходимость изслѣдованія древностей этого періода на основаніи господствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи художественныхъ стилей. «Арабскій стиль». Орнамента турьихъ роговъ Черниговскаго кургана. Вопросъ объ источникахъ «звѣринаго стиля». Связи древней Руси съ культурою передне-азиатскаго Востока. Арабскій стиль въ древностяхъ скандинавскихъ и отношеніе ихъ къ русскимъ. Греко-восточный стиль IX — X стол., извѣстный издревле подъ именемъ Корсунскаго. Памятники Корсунскаго дѣла въ южной Россіи. Русско-византийскія древности XI—XII столѣтія. Техника древне-русской перегородчатой эмали. Сканные дѣла въ XI и XII вѣкахъ. Сканные мастерство Мономаховой шапки и вопросъ о ея древности и происхожденіи. Необходимость изученія русско-византийскихъ древностей на основѣ древностей Византіи, какъ источника важнѣйшихъ формъ личнаго церемональнаго убора и связанныхъ съ нимъ общественныхъ отношеній.

Подъ именемъ *кладовъ* издавна принято разумѣть тѣ предметы матеріальной цѣнности, которые, будучи нѣкогда сокрыты въ нѣдра земли, наскоро сложенными, или тщательно спрятанными, ради сохранности, и въ надеждѣ собственника ими воспользоваться, по минованіи опасности, уцѣлѣли равно отъ расхищенія и своевременнаго вскрытія, для того, чтобы составить историческую или археологическую находку. Кладъ всегда, но для опредѣленнаго времени и мѣста, составляетъ своего рода сокровище въ собственномъ и переносномъ смыслѣ,

но его цѣнность можетъ или быть исключительно матеріальною, если кладъ заключается въ слиткахъ и массѣ одинаковыхъ монетъ, или составить важный памятникъ древности. Именно, въ сферѣ русской древности домонгольскаго періода клады, состоящія почти исключительно изъ предметовъ бытовыхъ и художественныхъ уборовъ и украшеній всякаго рода, являются съ такимъ особо важнымъ значеніемъ. И если извѣстная исключительность такого рода находокъ, или даже единичность по мѣстамъ (одинъ кладъ Орловской губ., одинъ—Курской, одинъ—Владимірской, одинъ—Смоленской и т. д.) останавливала доселѣ изслѣдователей русской археологіи отъ всякой попытки общаго обзорѣнія вещевыхъ кладовъ, то замѣчательные трактаты, посвященные знатоками археологіи: В. В. Стасовымъ, Д. И. Прозоровскимъ, графомъ А. С. Уваровымъ отдѣльнымъкладамъ, казалось, достаточно обрисовали историческое значеніе каждаго клада въ отдѣльности. Однако, и теперь изученіе русскихъ кладовъ не можетъ еще считаться начатымъ, и доселѣ держится отрицательный взглядъ на самостоятельное значеніе всей группы кладовъ по отношенію къ такъ называемой доисторической древности, или, какъ въ русской археологіи уже установилось, къ древностямъ курганнымъ, точнѣе—погребальнымъ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, изслѣдователи курганныхъ древностей сторонятся отъ кладовъ, отказываясь даже понимать ихъ отдѣльные предметы, относя ихъ безусловно къ позднѣйшей эпохѣ, почти отрицая связь вещей и формъ въ кладахъ и курганныхъ древностяхъ. Главный недостатокъ кладовъ, какъ памятника, полагаютъ въ случайности ихъ состава и подбора предметовъ: клады зарываются наскоро, въ суетѣ, въ страхъ передъ нашествіемъ, пожаромъ, истребленіемъ дома и семьи, состоятъ изъ вещей, случайно попавшихъ подъ руку, разрозненныхъ, разбросанныхъ, нерѣдко лишнихъ вещей и уборовъ, не бывшихъ въ обиходѣ, не на себѣ бывшихъ, а хранившихся въ ларцѣ, часто изъ лому и браку, лежавшаго тамъ въ кучѣ. Многіе отказываются понимать неполный подборъ предметовъ, оторванныхъ отъ ихъ назначенія, насильственно рознятыхъ, лишенныхъ паръ, крючковъ, прикрѣпленій, иногда прямо брошенныхъ въ кладъ частями. Находятъ мало интереса въ предметахъ кладовъ по ихъ большей или меньшей (что, однако, не было установлено точно) одновременности — предполагается, что клады въ большинствѣ (особенно кievскіе) зарыты наканунѣ монгольскаго разоренія. Наконецъ обычно жалуются на дурное состояніе предметовъ, вслѣдствіе самихъ условій сокрытія вещей въ грубомъ горшкѣ, ящикѣ, въ муссорѣ двора, среди развалинъ и пр., и на дурныя условія случайной находки, при землекопныхъ и пахотныхъ работахъ, и т. д.

Но всѣ эти детальныя возраженія противъ исторической важности кладовъ, какъ бы ни были сами по себѣ вѣрны и точны, уступаютъ мѣсто тому общепризнанному факту, что клады образуютъ въ Россіи какъ бы продолженіе курганныхъ древностей, точнѣе говоря, являются со времени распространенія христіанства и исчезновенія языческихъ погребальныхъ обычаевъ, оставившихъ намъ курганы, единственными (впредь до изслѣдованія христіанскихъ могильниковъ) вещественными древностями, мѣстами уже въ эпоху XI столѣтія, мѣстами для XII и XIII вѣковъ.

Но такъ какъ курганная археологія, выросшая лишь въ самое послѣднее время, восприняла свой предметъ и приемы отъ такъ называемой «доисторической археологіи» или громко именуемой «науки первобытной древности», то и естественно, что, съ трудомъ одолевая массу прихлынувшего сыраго матеріала въ видѣ результатовъ повсемѣстныхъ курганныхъ раскопокъ, въ большинствѣ не научныхъ, а беспорядочныхъ, эта наука съ нѣкоторымъ упорствомъ останавливается на курганномъ матеріалѣ и не ищетъ даже въ кладахъ пособія къ его изученію. Тому препятствуютъ и всесильные, теоретическіе взгляды. Исслѣдователь кургановъ, исходя изъ основнаго принципа первобытной археологіи, ищетъ однороднаго, или хотя бы племеннаго матеріала и стремится работать на пользу этнографіи, антропологии. Единственный и слѣпо принятый статистическій методъ понуждаетъ изслѣдователя сосредоточивать свое вниманіе прежде всего на погребальныхъ обрядахъ, хотя бы и отличающихся однообразиемъ, далѣе, на находкахъ предметовъ домашняго производства (ткацкаго, горшечнаго и т. д.) и издѣлій ремесла, и только послѣ нихъ на предметахъ художественной индустріи, и то, главнымъ образомъ, со стороны ихъ типовъ, распространенія, мѣстныхъ группъ и пр. Какъ было нѣкогда заведено въ первобытной археологіи, каждая область изслѣдуется сама по себѣ, по руководству однихъ и тѣхъ же теоретическихъ и предвзятыхъ взглядовъ: всюду предполагается натуральный послѣдовательный ростъ культуры, собственный ходъ совершенствованія и размноженія издѣлій, и доселѣ, видимо, еще господствуетъ заблужденіе, основанное на пониманіи варварскаго міра, какъ первобытной среды. Исслѣдователь не самостоятеленъ, работаетъ или для историка, которому чаще всего нѣтъ возможности воспользоваться археологическимъ матеріаломъ, или для этнографа, который является и самъ пока безпомощнымъ въ дѣлѣ разбора нагроможденныхъ имъ наблюденій.

Главнымъ послѣдствіемъ принятаго этимъ отдѣломъ положенія является то, что древностями вещественными занимаются естествоиспытатели, этнографы, антропологи, историки, словомъ, всѣ тѣ, кто наименѣе приговоренъ къ ихъ изученію, и на оборотъ, благодаря установившимся отношеніямъ, курганныхъ древностей чуждается историкъ искусства. Иначе говоря, когда производится раскопка кургана, изслѣдователь обязанъ наблюдать всѣ могущія оказаться свойства и особенности: геологическія въ насыпи, антропологическія въ костякахъ, этнографическія—въ обстановкѣ могилы и пр., и обо всемъ этомъ составляются подробнѣйшіе дневники, но когда добытъ уже самый матеріалъ, т. е. вещественныя древности, онъ перестаетъ самъ по себѣ занимать кого бы то ни было, кромѣ составителя каталога или, наконецъ, единичнаго изслѣдователя, заинтересовавшагося формами фибулъ, браслетовъ и пр. Въ противномъ случаѣ эти вещи существуютъ, какъ нумера дневниковъ, ихъ наглядное подтвержденіе. Наоборотъ, всякій разъ, какъ эта же археологія выставитъ вопросъ о формѣ, о типахъ, словомъ, обратится къ исторіи искусства и перейдетъ къ историческому изслѣдованію формъ, стиля, бытоваго назначенія, торговыхъ отношеній, религіозныхъ связей, когда появляются группировки предметовъ древности или со стороны бытовой, напр. формы уборовъ, или техники—напр. филигрانی, эмали, инкрустацій, или же стиля,—напр. по вопросу объ орнаментѣ геометри-

ческомъ, растительномъ и звѣриномъ, оказывается, что вся эта масса доселѣ мертваго матеріала оживаетъ, освѣщается внутреннимъ свѣтомъ. Видимо, исторія искусства есть общая наука древности и для этого отдѣла, и только ея принципы и методы могутъ ему придать научный характеръ, а слѣдовательно сдѣлать изъ этого предмета любопытства—предметъ знанія.

Съ другой стороны, какія непреодолимая трудности встаютъ передъ изслѣдователемъ, если онъ пытается поставить весь матеріалъ мѣстнаго археологическаго отдѣла на почву изслѣдованія художественно-историческаго. Здѣсь, прежде всего, почувствуется полная рознь во мнѣніяхъ, толчея взглядовъ и враждебность, стремящаяся къ первенству, одиночеству и преобладанію; здѣсь доселѣ полная невозможность выработать себѣ общій взглядъ, руководящія методы и найти точки опоры.

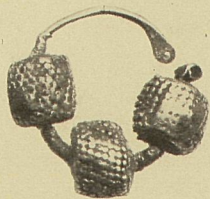
Сколько толкуютъ о прогрессѣ, но какъ только надо его понять по существу, какъ непрерывную историческую связь явленій, его нить разомъ перерывается во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ есть нація, на памяти исторіи выработавшаяся изъ варварскаго племени, а разъ нить эта порвана, каждый уже тянетъ свой конецъ въ свою сторону. Ученые при этомъ процессѣ слѣдуютъ, конечно, внушеніямъ неодолимаго еще для науки узкаго патріотизма, которымъ они пытаются сдабривать свои обзоры національныхъ древностей, взамѣнъ научнаго анализа, но источникъ этого непониманія кроется, отчасти, въ томъ мракѣ, который окутываетъ еще древности Византіи и Востока. Дѣйствительно, когда скандинавскій археологъ дробитъ исторію европейской орнаментики на историческіе отдѣлы, онъ слѣдуетъ, необходимо, руководству того круга фактовъ, который ему наиболѣе доступенъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ, понятно, не римскій міръ, съ необъятнымъ разнообразіемъ его художественныхъ формъ, какъ извѣстно, отовсюду унаслѣдованныхъ, но узкую среду германо-римской орнаментики, т. е. того художественнаго рынка или базара, какой былъ открытъ римскими фабриками и мастерскими въ разныхъ пунктахъ Германіи для ея варваровъ. Если и можно толковать здѣсь о художественномъ «направленіи», которое во время Имперіи будто-бы потянулось на сѣверъ, то развѣ о Галліи, никакъ не о Германіи или Британіи, а масса распространившихся всюду римскихъ издѣлій свидѣтельствуетъ всего менѣе въ пользу существованія самостоятельной Германо-римской орнаментики. Тѣмъ менѣе, стало быть, можно принимать въ серьезную сторону подобный заголовокъ «германо-римской» орнаментики, что тѣже изслѣдователи ищутъ съ особеннымъ вниманіемъ фактовъ самостоятельнаго творчества на сѣверѣ Европы, или даже и находятъ ихъ то въ филиграни, то въ звѣриныхъ формахъ орнамента, въ отличіе отъ римскаго образца.

Съ той поры, какъ стала извѣстна масса оригинальныхъ древностей сѣвернаго Кавказа, береговъ Дона и Венгріи, въ которыхъ столь же поразительны, какъ сторона техническая въ гранатовыхъ инкрустаціяхъ, такъ и художественныя формы въ видѣ птичьихъ и лошадиныхъ головъ, уже невозможно стало поддерживать скороспѣлое заключеніе скандинавскихъ археологовъ, пытавшихся въ скудномъ подражаніи этимъ формамъ на сѣверѣ видѣть совершенно новыя, еще несовершенныя созданія скандинавскаго народнаго воображенія. Извиненіемъ въ этой

прежней ошибкѣ можетъ еще служить относительная неизвѣстность до семидесятыхъ годовъ древностей Кавказа и Венгріи, но нынѣ подобныя заблужденія казались бы неумѣстными въ наукѣ. Великое переселеніе народовъ было окончательнымъ перенесеніемъ этого новаго «готскаго» стиля, вѣрнѣе восточно-варварскаго, на римскій западъ, и одною изъ интереснѣйшихъ задачъ будущаго археологическаго изслѣдованія со временемъ явится вопросъ объ источникахъ этого стиля, охватившаго индустрію Европы отъ Кавказа до Испаніи и Англіи включительно. Прежняя форма разсматриванія готскаго стиля, начинавшая съ его формъ въ древностяхъ Англо-саксовъ, и отъ нихъ переходившая къ Франкамъ, Алеманнамъ, Бургундамъ, Лонгобардамъ (въ сѣверной и средней Италіи), опять таки стала нынѣ невозможна, уже по самой силѣ вещей, не потому, чтобы ученые Швеціи, Даніи, Германіи и Англіи убѣдились доводами своихъ противниковъ, а по той простой причинѣ, что масса вещей, добытая раскопками и находками 70-хъ и 80-хъ годовъ въ Южной Россіи и Венгріи, сама болѣе или менѣе убѣдила иныхъ въ необходимости признать за югомъ Европы первенство владѣнія этимъ орнаментальнымъ стилемъ. Отсюда всѣ попытки досужаго остроумія археологовъ, объяснявшаго формы звѣринаго орнамента послѣдовательною выработкою изъ линейнаго, или напр. путемъ сокращенія будто бы цѣлой лошадиной фигуры въ одну голову, стали теперь излишни, какъ и всякаго рода разсудочныя объясненія мифовъ, языка и художественныхъ формъ, тогда какъ истинно научный методъ заключается въ анализѣ историческаго развитія звѣриной формы, отъ цѣлой фигуры до позднѣйшаго вырожденія въ бессмысленный орнаментальный придатокъ.

Но въ послѣднее время замѣчается уже коренной поворотъ въ приемахъ изслѣдованія варварскихъ древностей: признано, что переселеніе народовъ было переносомъ съ одного конца Европы на другой своеобразной культуры, а потому наступило время и для историческаго, сравнительнаго изученія варварскихъ древностей, начиная съ источниковъ въ искусствѣ восточномъ и греко-римскомъ, идя затѣмъ по пути самыхъ народовъ черезъ южную Россію и по теченію Дуная до краевъ Европы и кончая изученіемъ всѣхъ встрѣченныхъ на этомъ пути вліяній, перемѣнъ и историческаго развитія въ періодъ съ III по VI столѣтіе включительно. Очевидно, при такой постановкѣ, на первый планъ выступаютъ отношенія стиля, формы предметовъ, ихъ орнаментація, и взамѣнъ прежней разобщенности, мы получаемъ связь историческихъ явленій, открываемъ въ вещахъ не одни лишь нумера дневниковъ, но оживляемыхъ историческою идеею свидѣтелей народной жизни и общенія племенъ, указателей тѣхъ стоянокъ варварской культуры у береговъ Кубани, Днѣпра и Дуная до отдаленной Испаніи и береговъ сѣверной Африки. Конечно, этотъ анализъ стиля и формы не составляетъ еще археологіи искусства, но онъ ставитъ «древности» на свои ноги, дѣлаетъ предметъ наукою и въ будущемъ поведетъ къ созданію историческаго періода тамъ, гдѣ имѣемъ лишь ходячія и книжныя легенды, отрывочные факты, переданные безъ пониманія лѣтописцемъ и сочиненныя по рефлексу построенія примитивнаго быта.

Такой поворотъ явился самъ по себѣ результатомъ продолжительныхъ работъ надъ древностями варварской Германіи, Франціи и Венгріи, съ опредѣленною задачею открыть и

2

1

3

4

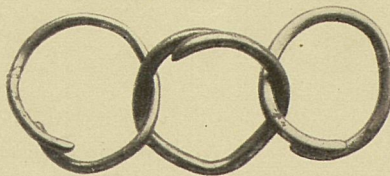
5

6

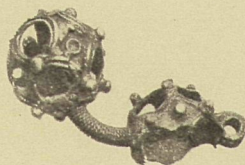
7

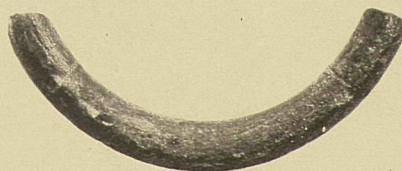
13

8

9

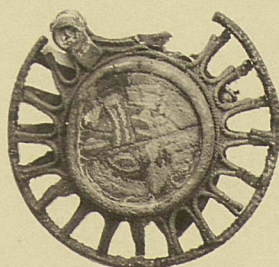
14

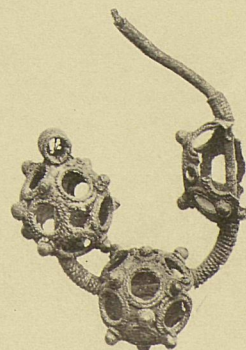
10

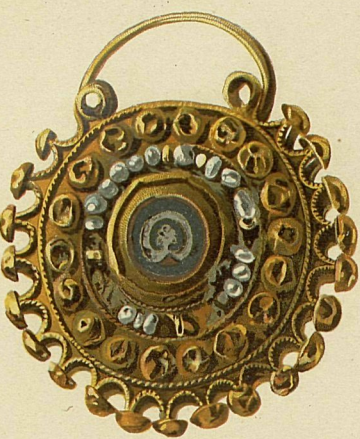
11

15

12

1

3

2

6

7

5

8

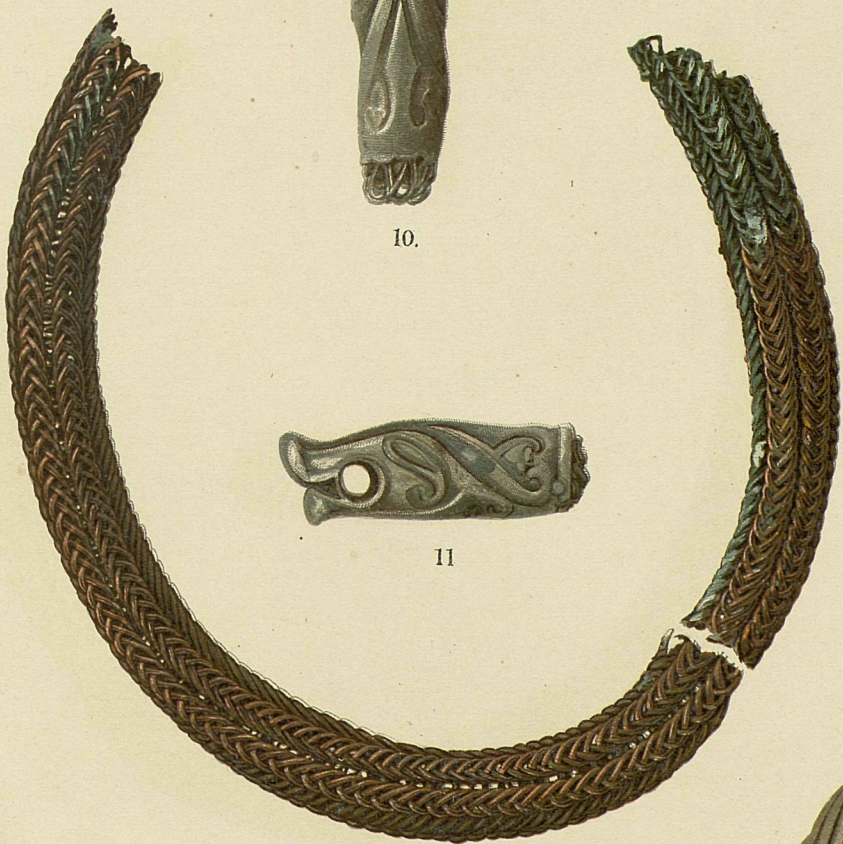
10

4

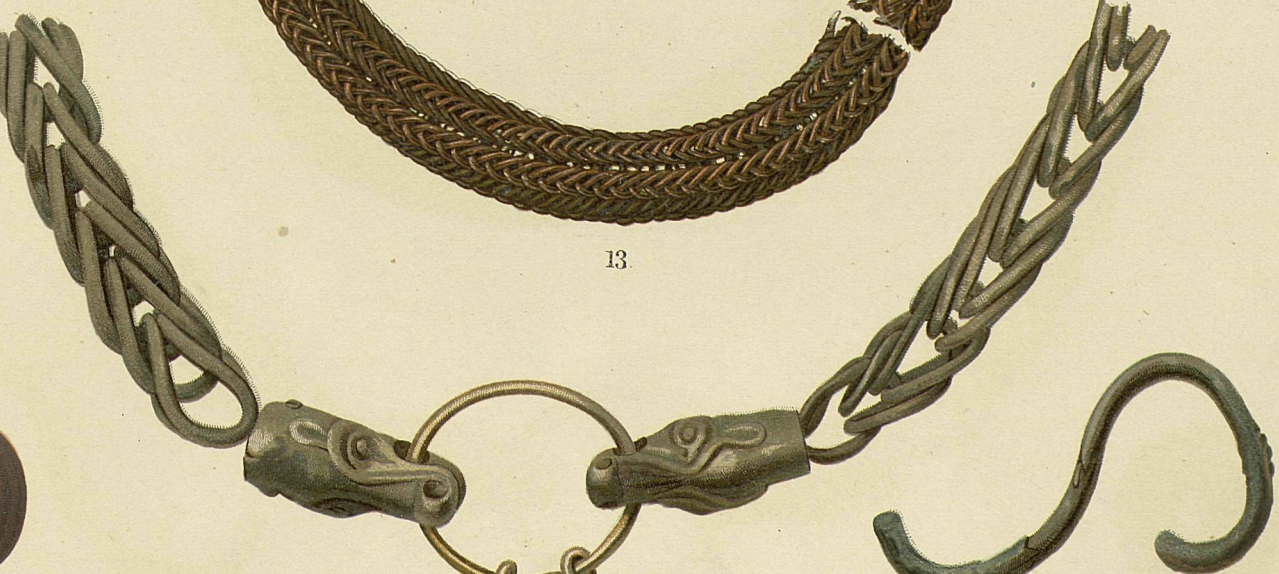
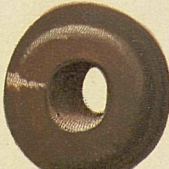
9

13

11

1

3

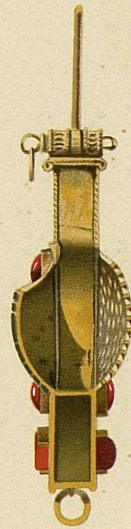
2

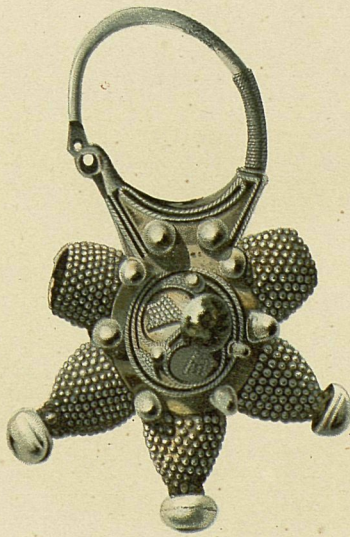
4

5

6

7

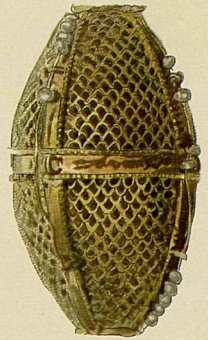
10

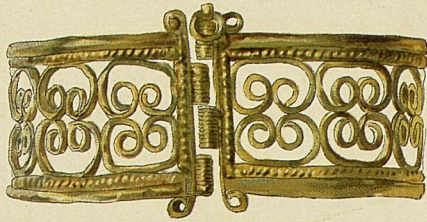

1.

2.

3.

4.

5.

6.

1.

2.

3.

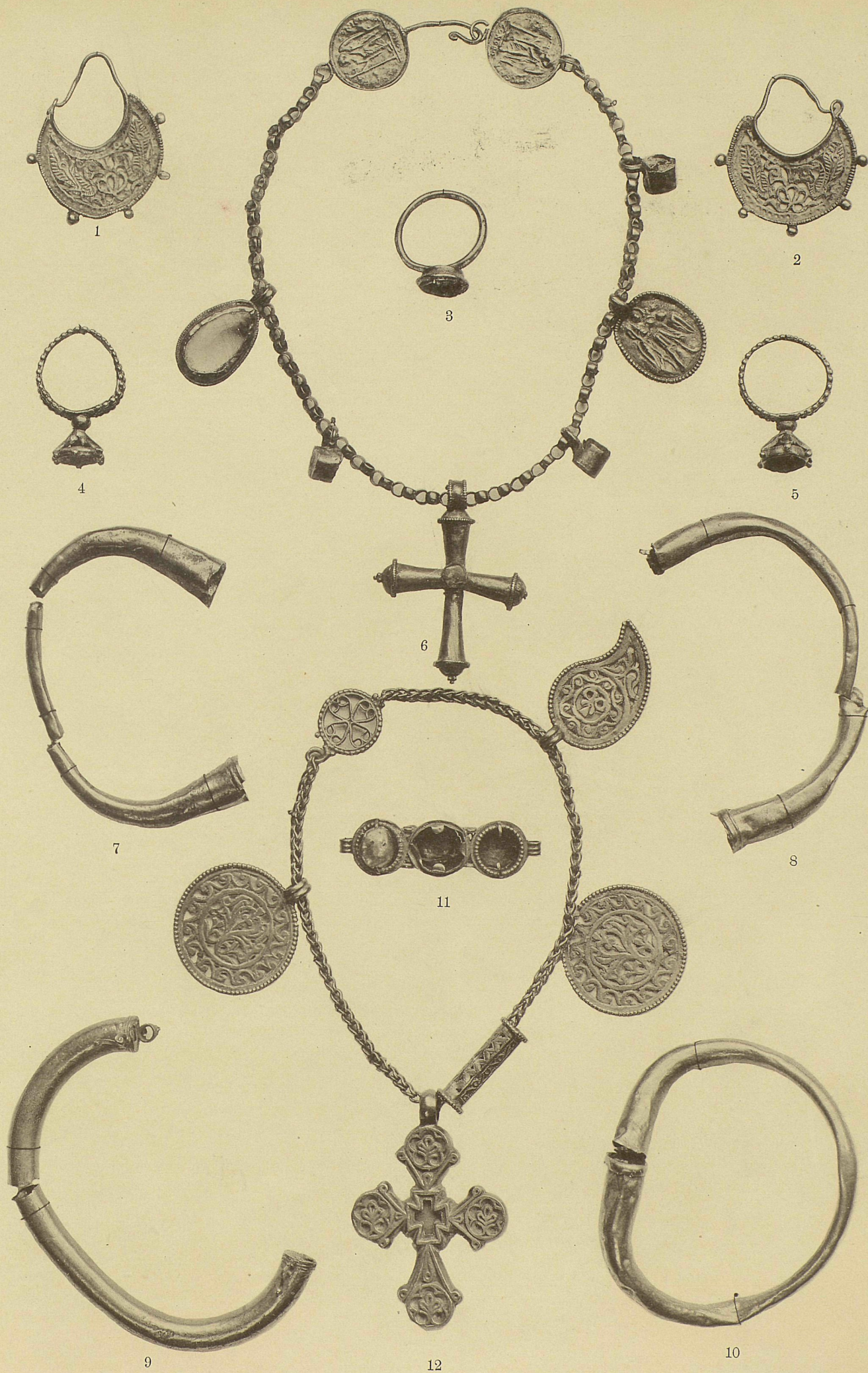

4.

5.

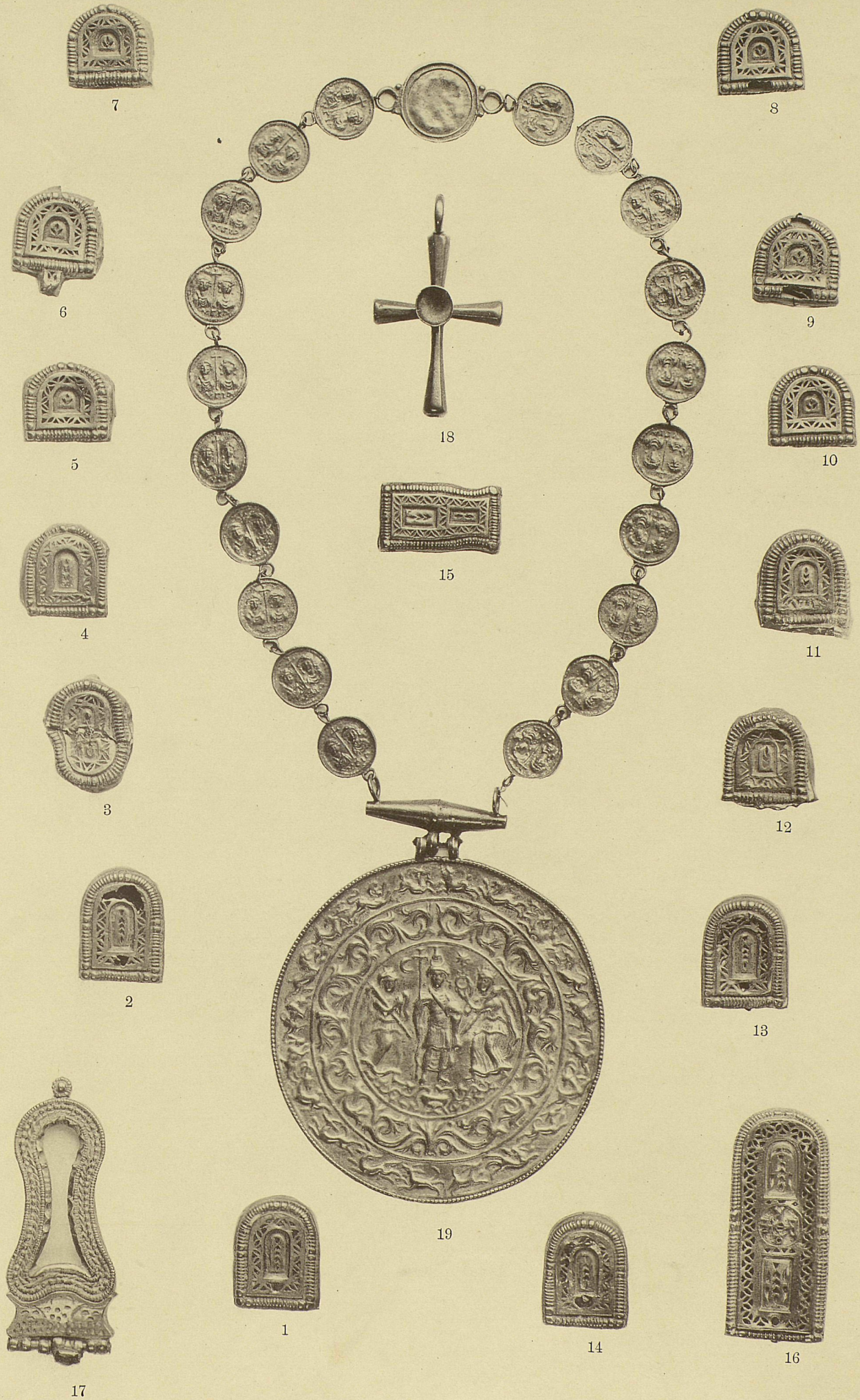

9

12

10

7

8

6

9

5

10

4

11

3

12

18

15

2

13

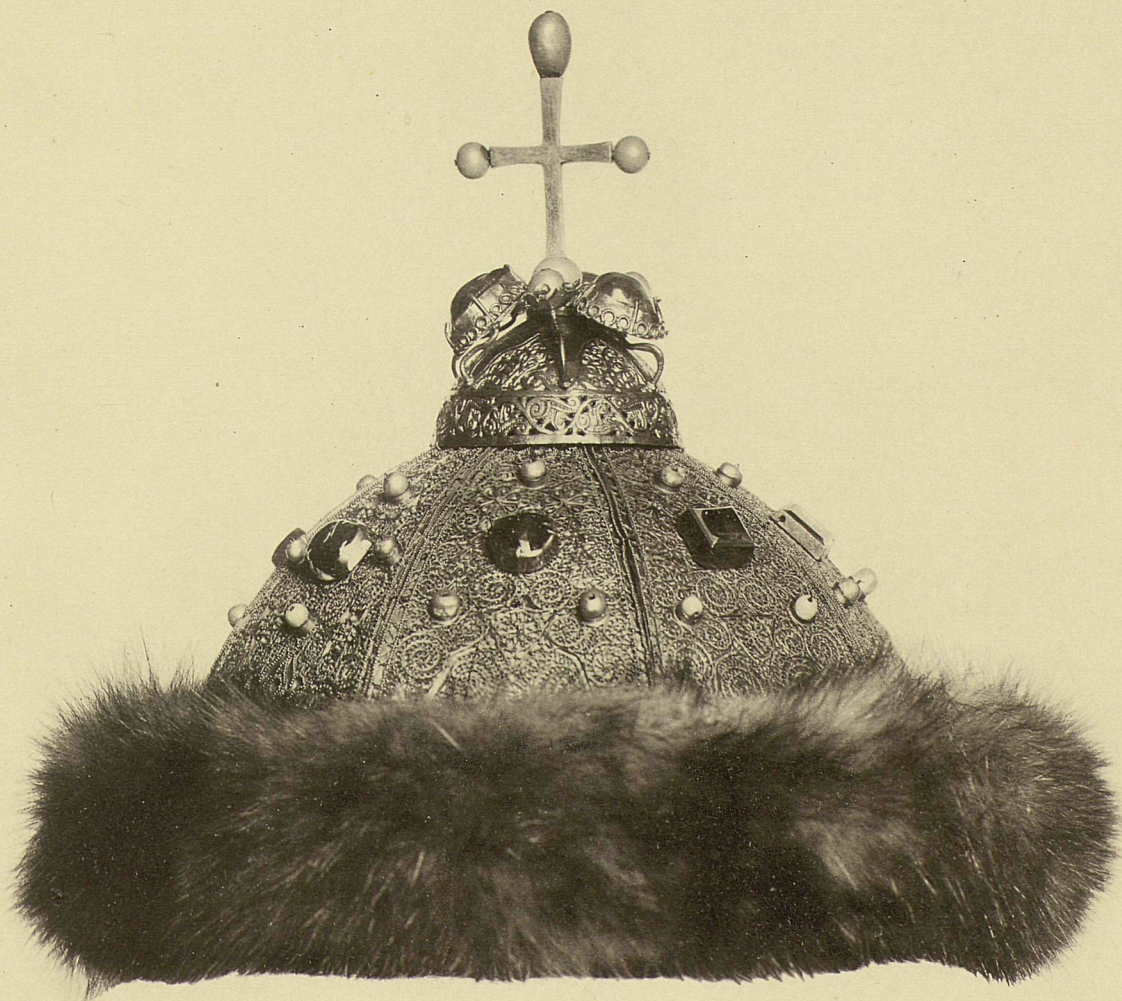
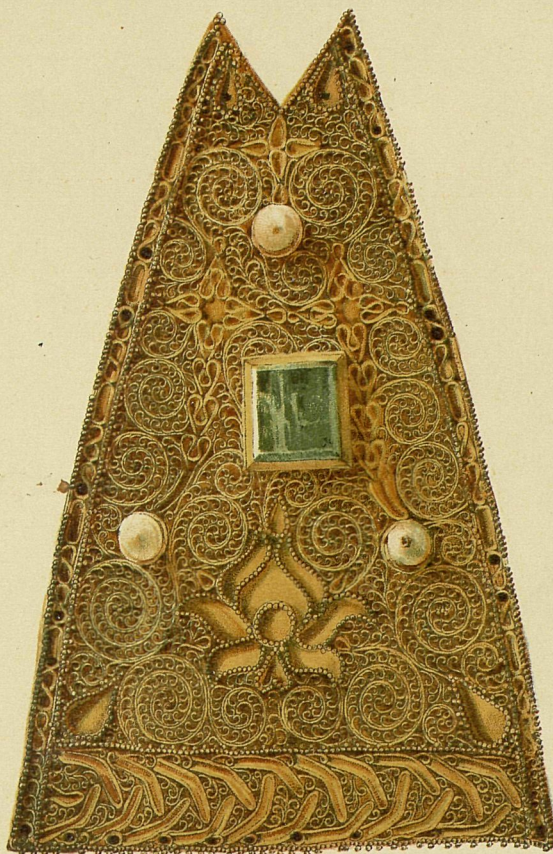
19

1

14

16

17

Шалка Мономахова: общій видъ и снимокъ одной пластинки
въ натур. вел.

ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

I. Отчеты Императорской Археологической Коммиссии.

Отчеты за 1859—1888 годы, 22 тома in 4°; при каждомъ томѣ особый атласъ, состоящій изъ 6 или 7 таблицъ рисунковъ въ большой листъ. Въ отчетѣ за 1872 годъ, кромѣ того, заключается 18 таблицъ рисунковъ 4° при самомъ текстѣ. Цѣна каждого отчета съ атласомъ 5 руб., за исключеніемъ отчета за 1872 годъ, стоящаго 10 руб.

Отчетъ за 1889 годъ. Спб. 1892. 128 стр. 4°, съ 83 политипажамъ. Цѣна 2 руб.

Отчетъ за 1890 годъ. Спб. 1893. 152 стр. 4°, съ 91 политипажемъ. Цѣна 2 руб.

Отчетъ за 1891 годъ. Спб. 1893. 188 стр. 4°, съ 200 политипажей. Цѣна 2 руб.

Отчетъ за 1892 годъ. Спб. 1894. 173 стр. 4°, съ 75 политипажамъ. Цѣна 2 руб.

Отчетъ за 1893 годъ. Спб. 1895. 122 стр. 4°, съ 58 политипажамъ. Цѣна 2 руб.

Отчетъ за 1894 годъ. Спб. 1896. 173 стр. 4°, съ 235 политипажамъ. Цѣна 2 руб.

II. Матеріалы по археологіи Россіи.

- № 1. Древности Геродотовой Скиѣи. Вып. 1-й. Спб. 1866. 28+XVI стр. 4°, съ атласомъ изъ 23 табл. рис. въ листъ. Цѣна 5 руб.
- № 2. Древности Геродотовой Скиѣи. Вып. 2-й. Спб. 1873. 90+СІХ стр. 4°, съ атласомъ изъ 23 табл. рис. въ листъ. Цѣна 7 руб. 50 коп.
- № 3. Сибирскія древности. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 1888. IV+40+20 стр. 4°, съ картою, 6 табл. рис. и 32 политип. Цѣна 2 руб.
- № 4. Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I, вып. 1-й. Спб. 1890. 60 стр. 4°, съ картою, 7 табл. рис. и 28 политип. Цѣна 2 руб.
- № 5. Сибирскія древности. Т. I, вып. 2-й. Спб. 1891. 40+32 стр. 4°, съ 8 табл. рис. и 30 политип. Цѣна 2 руб.
- № 6. Древности Южной Россіи. Керченская христіанская катакомба 491 года. Спб. 1891. 30 стр. 4°, съ 4 табл. рис. и 4 политип. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- № 7. Древности Южной Россіи. Описаніе нѣкоторыхъ древностей и монетъ, найд. въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 годахъ. Спб. 1891. 46 стр. 4°, съ 4 табл. рис. и 30 политип. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- № 8. Древности Южной Россіи. Византійскій памятникъ, найд. въ Керчи въ 1891 году. Спб. 1892. 37 стр. 4°, съ 5 табл. рис. и 9 политип. Цѣна 2 руб.
- № 9. Древности Южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найд. въ Южной Россіи въ 1888—1891 годахъ. Спб. 1892. 64 стр. 4°, съ 1 табл. и 11 политип. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- № 10. Лядинскій и Томниковскій могильники Тамбовской губ. Спб. 1893. 64+32 стр. 4°, съ 15 табл. рис. и 51 политип. Цѣна 2 руб.
- № 11. Древности Юго-Западнаго края. Раскопки въ странѣ Древлянъ. Спб. 1893. 78 стр. 4°, съ 7 планами и 47 политип. Цѣна 2 руб.
- № 12. Древности Южной Россіи. Раскопки Херсонеса. Спб. 1893. 64 стр. 4°, съ 7 табл. и 2 политипажамъ. Цѣна 2 руб.
- № 13. Древности Южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ. Спб. 1894. 192 стр. 4°, съ 9 табл. рис. и 88 политипажамъ. Цѣна 2 руб.
- № 14. Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I, вып. 2-й. Люцинскій могильникъ. Спб. 1893. 49+36 стр. 4°, съ 15 таблицами рисунковъ и 36 политипажамъ. Цѣна 2 руб.
- № 15. Сибирскія древности. Т. I, вып. 3-й. Спб. 1894 г. 52+94 стр. 4°, съ 8 табл. рис. и 59 политипажамъ. Цѣна 2 руб.
- № 16. Древности Закаспійскаго края. Развалины Старога Мерва. Спб. 1894. 217 стр. 4°, съ 1 снимкомъ съ рукописи, 39 рис. въ текстѣ и VIII табл. картъ, надгробныхъ надписей и орнамента. Цѣна 3 руб.
- № 17. Древности южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найд. въ Южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. Спб. 1895. 86 стр. 4°, съ табл. и 24 политип. Цѣна 1 руб. 50 коп.
- № 18. Курганы Южнаго Приладожья. Спб. 1895. 156 стр. 4°, съ XIV табл. рис. и 27 политип. Ц. 2 р.
- № 19. Древности Южной Россіи. Двѣ керченскія катакомбы съ фресками. Спб. 1896. 72 стр. 4°, съ XIV табл. рис. и 14 политип. Цѣна 3 руб.
- Русскіе влады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Н. Кондакова, заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1896. 213 стр. 4°, съ 20 таблицами и 122 политипажамъ. Цѣна 10 руб.
- № 20. Курганы С.-Петербургской губ. въ раскопкахъ Л. К. Иванова. Спб. 1896. 124 стр. 4°, съ XIX табл. рис., картою и 8 политип. Цѣна 2 руб.

Всѣ эти изданія продаются въ С.-Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Эггерса и К^o. (Невск. просп. № 11) и В. Л. Риккера (Невск. просп., № 14).

